

ЗВЕЗДЫ
ЗАРУБЕЖНОЙ
ПРОЗЫ

КРИСТИНА
МАКМОРРИС

ПРОДАНЫ В ПОНЕДЕЛЬНИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
M15

Kristina McMorris
SOLD ON A MONDAY

Originally published in the United States
by Sourcebooks Fire, an imprint of Sourcebooks, Inc. www.sourcebooks.com.
Печатается с разрешения издательства Sourcebooks, Inc.
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «Звезды зарубежной прозы»
Перевод с английского *Ирины Павловой*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Макморрис, Кристина.

M15 Проданы в понедельник : [роман] / Кристина Макморрис; [перевод с английского И. Павловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Звезды зарубежной прозы).

ISBN 978-5-17-122346-5

1931 год. Великая депрессия. Люди теряют все, что у них было: работу, дом, землю, семью и средства к существованию.

Репортер Эллис Рид делает снимок двух мальчиков на фоне обветшалого дома в сельской местности и только позже замечает рядом вывеску «ПРОДАЮТСЯ ДВОЕ ДЕТЕЙ».

У Эллиса появляется шанс написать статью, которая получит широкий резонанс и принесет славу. Ему придется принять трудное решение, ведь он подвергнет этих людей унижению из-за финансовых трудностей. Последствия публикации этого снимка будут невероятными и непредсказуемыми.

Преследуемая своими собственными тайнами, секретарь редакции, Лилиан Палмер видит в фотографии нечто большее, чем просто хорошую историю. Вместе с Ридом они решают исправить ошибки прошлого и собрать воедино разрушенную семью, рискуя всем, что им дорого.

Вдохновленный настоящей газетной фотографией, которая ошеломила читателей по всей стране, этот трогательный роман рассказывает историю в кадре и за объективом—об амбициях, любви и далекоидущих последствиях наших действий.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© 2018 by Kristina McMorris
© Павлова И., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-122346-5

Пролог

У охраняемого входа стаей изголодавшихся волков кружили репортеры. Они жаждали узнать имена и адреса, любые свидетельства о связи с гангстерами, мельчайшие подробности, достойные освещения в передовицах грядущего дня.

Ирония происходящего не ускользнула от меня.

В приемное отделение больницы, где я просидела на одном и том же стуле несколько часов, зашел врач. Я приподняла голову. Врач приглушенным голосом заговорил с санитаркой. И его пышные усы с проседью завибрировали в такт словам, слетавшим с губ. Мои плечи сжались в пружины. Я попыталась перехватить его взгляд, допуская и страшась самого худшего. И ощутила, как вокруг меня возросло напряжение — все остальные испугались того же. Внезапная тишина показалась мне оглушительной. Но затем доктор сдвинулся с места и через пару секунд исчез за углом. И я снова обмякла на стуле.

В воздухе пахло дезинфицирующими средствами, отбеливателями и сигаретами нервных курильщиков. Напольная плитка при каждом новом шаге испускала пронзительный скрипучий звук. Какой-то мужчина стал подтаскивать ко мне кресло. Но крошечные волоски на затылке встопорчились не только из-за этого тягучего скрежета. Узнав о моей причастности к случившемуся, офицер уже предупредил меня: со мной наверняка захочет побеседовать следователь.

Мужчина сел в кресло ко мне лицом.

— Добрый день...

Небрежным движением он снял свою широкополую шляпу и положил себе на колени. Всем своим обликом —

от костюма в тонкую полоску и аккуратной стрижки до великолепных белых зубов — этот человек походил на Джона Эдгара Гувера с очередной вербовочной агитки.

Я не расслышала ни его имени, ни формальных слов, которыми он отрекомендовался? — мой разум был и без того затуманен недосыпанием? а от прилива беспокойства в голове и вовсе все смешалось. Но я догадалась, какая информация его интересовала. Та же, что и журналистов, толпившихся на улице и всегда готовых залезть тебе в душу. Голодных до ответов, смысл которых я еще не осознавала до конца. Если бы я только могла исчезнуть! С этого места и из этого мгновения! Перенестись одним махом на неделю вперед, а еще лучше — на месяц! Неуместные слухи уже бы затихли; от замытых дочиста луж крови не осталось бы и следа. И этот день был бы уже пережит. Я представила себе, как сижу в полутемном уголке кафе и за чашечкой кофе и даю интервью молодому репортеру. Его старание напомнило бы мне о том, какой и я сама была прежде — когда только приехала в этот город, убежденная в том, что моей устремленности, энергии и удачи окажется довольно, чтобы рассеять мрак собственного прошлого. А с ним и ощущение, что ты этого не достойна...

«Какое счастье, — произнес бы журналист, — что все закончилось так хорошо».

Для кого-то — конечно. Но не для всех.

— А вы можете мне рассказать, с чего все началось? — Образ репортера внезапно слился с лицом следователя, сидевшего передо мной. Кто из них задал мне этот вопрос? Бог его знает...

Но как бы там ни было, я вдруг с поразительной ясностью — словно сквозь мощную лупу — увидела весь прошлый год и те переплетенные пути-дорожки, что привели сюда каждого из нас. Все шаги и поступки, повлекшие за собой цепную реакцию, под стать эффекту домино.

Без малейшего сожаления я медленно кивнула собеседнику и, прокрутив назад воспоминания, ответила:

— Все началось с фотографии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Реальная жизнь — это один мир,
а жизнь, описанная в газетах, — совсем
другой.

Гилберт Кит Честертон

Глава I

*Август 1931 года
Округ Ланкастер, Пенсильвания*

Их глаза — вот что первым привлекло внимание Эл-лиса Рида.

На переднем крыльце серого, повидавшего виды строения — одного из нескольких сельских домов, выстроившихся вдоль дороги, обрамленной сенокосными лугами, — сидели два мальчика. Лет шести и восьми, самое большее. Они бросали камушки в консервную банку. И оба были босые и без рубашек. Из одежды на парнишках были только латаные комбинезоны, из-под которых проглядывала их светлая кожа, подкрашенная грязью и летним солнцем. Худые, с не-ряшливыми патлами медно-рыжих волос, братья походили на одного и того же ребенка на разных этапах жизни.

Но их глаза... Даже на расстоянии в двадцать футов они приковали к себе все внимание Эллиса. Эти глаза были голубыми, как и у него. Но такого светлого оттенка, словно их вырезали из горного хрусталя. Поразительная находка на фоне приторно-пасторального окружения! Как будто эти мальчишки были ему совершенно чужды...

Из-под мягкой фетровой шляпы по шее Эллиса стекла за накрахмаленный воротник еще одна капелька пота. Даже с закатанными рукавами (пиджак остался в машине) вся его рубашка уже стала липкой от чертовой влажности. Эллис

приблизился к дому и поднял фотоаппарат. Вообще-то он любил снимать живописные природные пейзажи. Но сейчас он сфокусировал свой объектив на мальчуганах. И увидел в нем рядом с ними табличку. Нестроганая деревянная дощечка с зазубренными краями, она слегка прогнулась над крыльцом — как будто искривилась под бременем полуденной жары. А смысл слов, накарябанных на ней черным углем, Эллис полностью уловил, только сделав снимок.

Продаются двое детей

У Эллиса перехватило дыхание.

Он опустил фотокамеру.

На самом деле такие слова не должны были его шокировать. Слишком много людей пока еще не оправались от биржевого краха 29-го года. И ежедневно кто-то отсылал своих детей к родственникам, а кто-то бросал их у дверей церковных приходов, интернатов и приютов для сирот — в надежде на то, что там их отпрыски будут содержаться в тепле и сытости. Но чтобы продавать детей?! Такой вариант придавал и без того страшному времени еще больше мрака и безысходности.

Имелись ли у этих мальчиков еще братья, которых их родители могли бы содержать и дальше? Грозил ли им разлука?

И вообще — умели ли они читать? Понимали ли смысл этого объявления? В голове Эллиса, как всегда, завертелись вопросы — но уже без тех предположений, которые он сделал бы раньше.

Да чего уж греха таить! Еще лет пять тому назад, когда ему было всего двадцать и жил он в Аллентауне, под отчим кровом, Эллис частенько грешил поспешными выводами. Но с тех пор улицы Филадельфии научили его: мало вещей способно привести человека в большее отчаяние, чем неутоленная потребность в еде. Доказательства? Достаточно было понаблюдать за тем, что происходило в любой очереди за бесплатным питанием, когда половники начинали соскребать суп со дна последней кастрюли.

— Чой-то у вас там, мистер? — указал на странную штуковину в руках Эллиса старший из мальчиков.

— Это? Это моя фотокамера.

На самом деле это было не совсем так. Фотокамера принадлежала газете «Филадельфия Экземейнер». Но в этой ситуации Эллис посчитал любые уточнения излишними.

Младший из мальчишек что-то прошептал на ухо старшему, и тот снова обратился к Эллису (словно выступал в роли переводчика для брата):

— Это ваша работа? Делать картинки?

Увы, освещение всякой ерундистики в колонке «Наше общество» не представлялось Эллису достойной работой. Не такой он видел свою карьеру. И не об этом мечтал. То ли дело — настоящее репортерство! А с его нынешним занятием справился бы любой дурак.

— Пока да, — ответил Эллис ребятам.

Паренек постарше серьезно кивнул и пульнул в консервную банку новый камушек. А младший прикусил свою обветренную нижнюю губу с наивно-невинным видом — под стать выражению глаз. Они не выказывали ни намек на то, что мальчик сознавал, что сулило ему будущее. Может, это было и неплохо?

Да как сказать... Если дети, усыновленные в младенческом возрасте, имели все шансы на обретение настоящей семьи, то с подростками обстояло иначе. И ни для кого не являлось тайной, за что именно ценили их «приемные родители». Девочек — как нянечек, швей, домработниц. Мальчиков — как помощников на фермах и полях и будущих рабочих на фабриках или в угольных шахтах.

Но, может, этих двух парнишек еще было не поздно спасти? По крайней мере, попытаться им помочь.

Устремив взгляд на передние окна, Эллис поискал глазами хоть какие-то признаки движения в доме. Но за грязными разводами на стеклах ничего видно не было. Эллис напряг слух и обоняние, попытался уловить позвякивание

кастрюлек и чугунков или аромат кипящего рагу — любой знак, указывавший на присутствие матери дома. Но в воздухе разносилось только отдаленное кряхтение трактора, да запах вспаханной земли. Реальность побудила Эллиса к здравомыслию.

Что он, собственно, мог сделать для этих мальчишек? Убедить их родных, что им стоило поискать другой, лучший вариант? *Какой?* Пожертвовать им несколько баксов? Так он и сам с трудом оплачивал аренду...

Оба мальчика теперь смотрели только на него — словно ждали, когда Эллис заговорит. Он отвел глаза от таблички. И порылся в мозгу в поиске слов, действительно имевших смысл. Но найти их у него не вышло.

— Вы, ребята, берегите себя...

Под их дружное молчание Эллис с неохотой развернулся. Стрельба камушками по ржавой банке возобновилась, а когда он возвратился на проселочную дорогу, резко стихла.

Впереди, в пятидесяти ярдах, «Модель Т», когда-то спасенная Эллисом со свалки, поджидала его с открытыми окошками. Ее радиатор больше не шипел и не брызгал паром. Но и обстановка, окружавшая Эллиса, тоже почему-то переменилась. Бескрайние поля, покосившиеся изгороди... Еще несколько минут назад он находил их восхитительными и интересными объектами для своей личной фотоколлекции. Подходящим способом скоротать время, пока мотор охлаждался от августовской жары. А теперь эти пейзажидохнули на него терпким душком очередной трагедии, ему, увы, не подконтрольной.

Усевшись в свой драндулет, Эллис бросил на сиденье камеру (несколько резче, чем следовало) и отыскал флягу с водой. Заправив радиатор, он перевел рычаг переключения передач и повернул ключ. Затем вернулся к капоту, вставил кривой стартер в храповик коленвала и с силой прокрутил ручку на один оборот. Потом еще на один, и (слава Богу!) его седан ожил.

Уже сидя за рулем, Эллис смахнул с головы шляпу и тронулся в путь — как никогда желая поскорее вернуться в город. Через сорок пять минут он будет в совершенно ином мире!

Карта, расстеленная на его куртке, на пассажирском сиденье, затрепетала под струйкой ветерка, ворвавшегося в салон. Как раз сегодняшним утром эта мятая страница с пометками и обведенными в кружочки населенными пунктами привела Эллиса к месту его последнего «воодушевляющего» задания: выставке рукодельных работ Пенсильванского благотворительного женского общества под эгидой супруги самого мэра Филадельфии! Большинство вышивок, безусловно, впечатляло, но про себя Эллис чертыхался и роптал при каждом щелчке затвора. То, что пришлось работать в воскресенье, сильно подпортило парню настроение. А ведь ему еще предстояло проявлять снимки и кропать статью, крайним сроком сдачи которой было утро понедельника. Вот тебе и выходной день!

Да, так было утром. А сейчас, тронутый участием двух ребятишек, Эллис устыдился своего ворчания на работу, которой многие бы позавидовали.

Он попытался выбросить мальчишек из головы. Напрасно. Их образы снова и снова всплывали перед глазами, пока его колымага тарахтела и громыкала по шоссе. Но, лишь подъехав к зданию «Экземайнер», Эллис осознал истинную причину, по которой эти дети так сильно тронули его за живое. И не смог не задаться вопросами: будь сейчас рядом его брат, они бы с ним тоже выглядели похоже? И оба ли были желанны для своих родителей?

Глава 2

Подойдя к рабочему столу, Лили — все еще в своей шляпке-клош — испытала стыд и раскаяние из-за того, что она сделала.

Точнее, не сделала.

В пятницу вечером один репортер ждал, пока высохнут его фотографии.

Шеф Лили, Говард Тримбл — главный редактор, контролировавший газету со всей строгостью командира, готовящегося к сражению, — потребовал, чтобы ему предоставили все снимки для просмотра в первый же день новой рабочей недели.

Репортер был простужен и казался на вид настолько несчастным, что Лили пообещала показать боссу фотографии за него и отпустила больного домой.

Она была не из тех, кто легко раздавал обещания. Но в головокружительной суете умудрилась позабыть об этом уговоре. А понедельник уже наступил. Часы показывали семь сорок утра. До прихода Тримбла оставалось всего двадцать минут.

Лили поспешно пересекла новостной отдел. Между рабочими столами, сдвинутыми впритык и пока еще наполовину пустовавшими, бродил приглушенный гул голосов. В регулярной смене караула дневной персонал «Экземайнер» постепенно замещал ночную команду. Из коридора Лили нырнула на лестницу и понеслась вверх по

ступенькам — взбежать на один этаж было быстрее, чем дожидаться лифта. И вот она уже в наборном цеху на четвертом этаже.

— Доброе утро, мисс Палмер, — возник справа от нее молодой, спортивного сложения парень с охапкой папок в руках.

Припомнить имя нового сотрудника Лили не удалось. И она ответила ему легкой улыбкой, лишь слегка замедлив свой темп. Но парень не отстал:

— Похоже, впереди еще одна жаркая неделка.

Заметив в его голосе стремление поддержать разговор, Лили ответила:

— Да, я слышала.

— А как вы провели выходные?

Лили, как и всегда, ездила в северный Делавэр — в свой настоящий дом. А не тот женский пансион, в котором она обитала во время рабочей недели. Только целью этих поездок домой, как и многим другим в своей жизни, Лили поделиться ни с кем не могла.

— Сожалею, но я сейчас очень спешу. Хорошего вам дня. — С вежливой улыбкой Лили проществовала мимо парня до двери в углу. К счастью незапертая, она вывела ее в короткий проход. Табличка на второй двери — «Не беспокоить» — была повернута тыльной стороной. Верный знак, что фотолабораторией никто в данный момент не пользовался и входить в нее было безопасно.

Внутри от лампочки под потолком свисала тонкая цепочка. Лили дернула за нее, и маленькое прямоугольное пространство осветилось жутковатым красным сиянием. Воздух пах проявителями, которыми были забиты всевозможные лотки, теснившиеся между прочим оборудованием на прямоугольном столе вдоль стены.

На проволоке, натянутой во всю длину комнаты, болталось более дюжины снимков.

В самом конце этой «гирлянды», сразу после фотографий с женщинами, горделиво демонстрировавшими свои

лоскутные одеяла, Лили увидела три снимка, за которыми пришла, — сцены собрания профсоюза сталелитейщиков.

Лили быстро схватила со стола пустую папку и отстегнула их.

И уже собиралась закрыть папку, когда ее взгляд привлекла еще одна фотография. На ней было запечатлено дерево — совсем обычное, если не вглядываться. Старый дуб рос в чистом поле, одинокий и грустный. Его ветви тянулись вперед, словно тосковали по чему-то незримому...

Лили рассмотрела следующий снимок — вырезанные на щербатом заборе инициалы:

К.Т. + А.\

Последняя буква была незакончена. И непосвященным оставалось только гадать, какой инициал скрывался за черточкой. И какой сюжет...

Лили перевела взгляд на следующую фотографию, затем еще на одну. Выкинутая кем-то крышка от бутылки, вдавленная в дорожное полотно. Единственный цветок в куртине жухлых сорняков, величаво возвышавшийся над ними... Каждый снимок таил в себе некую историю, и у Лили не возникло сомнений насчет их авторства.

С прошлой весны работая в редакции секретаршей, Лили уже дважды натыкалась на личные фотографии Эл-лиса Рида. Каждый его образ нес в себе интригующую перспективу, глубину детали, которую большинство людей не заметили бы.

Немногие мужчины в газетном бизнесе соглашались писать для женских колонок, да еще и за скудное жалование. А Эллис это делал с усердием и исполнительностью. Хотя, как и Лили, он явно «удостоился» работенки, не соответствовавшей его настоящим талантам. Она, конечно, никогда не упоминала об этом. Ведь их периодическое общение не выходило за рамки обычной дружелюбности...

Эта мысль улетучилась из головы Лили, как только она развернулась.